

Михаил Анчаров

ДОРОГА
ЧЕРЕЗ ХАОС

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
А 74

Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Валерия Гореликова

Анчаров М.

А 74 Дорога через хаос : романы, повести, рассказы / Михаил Анчаров. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 1024 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-31585-3

На самом деле все творчество Михаила Анчарова, писателя, поэта, исполнителя своих песен, посвящено именно творчеству. Творчеству как явлению. Творчеству как искусству. По Анчарову, любой человек, будь он хоть трех классов образования, а то и вообще безграмотный, занимайся он конструированием атомомобилей или торговлей на рынке венчиками, — таит в себе творческое зерно. Другое дело — даст ли человек этому зерну прорасти и уберезет ли он оживший росток, пока дерево не принесет плоды.

Неугомонные анчаровские герои: инженер-романтик Сапожников, изобретатель вечного двигателя и много чего еще; Виктор Громобоев, умеющий управлять погодой и называющий себя Паном, богом природного вдохновения и поводырем на пешеходной тропе; Петр-первый Алексеевич Зотов, установивший связь между важнейшими категориями бытия («Не поняв, что есть искусство, не понять, что есть Добро, а что Зло»), — все они, и не только они одни, герои романов, повестей и рассказов Михаила Анчарова, составивших этот том, на живом примере показывают, что творчество не просто работа рук с помощью кисти, карандаша, резца, пальцев, стучащих по клавишам пишущей машинки или фортепьяно. Это прежде всего таинственная работа души и сердца, как бы это сегодня ни прозвучало для кого-то вычурно и несвоевременно.

Некоторые произведения сборника в книжном виде издаются впервые.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© М. Л. Анчаров (наследник), 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-31585-3

Часть первая

С ПЕРСТАМИ ПУРПУРНЫМИ ЭОС

Глава первая

НОРОВЫ

Вы спросите, кому приснился этот сон: моему петуху или мне? А я и сам не знаю.

Кубинская сказка

Праздничный, веселый, бесноватый,
С марсианской жаждою творить,
Вижу я, что небо небогато,
Но про землю стоит говорить.

Н. Тихонов

1

А Витька Громобоев полюбил навеки, и этому не научить. Но и цыпленок хоть и ничему не обучен, однако проклевывается. Потому что живой и срок пришел жизнь вопрошать. Обсохнет и растет до петуха.

И ежели человек отличен от петуха или дерева, то одним только — надеждой стать для Вселенной собеседником.

И значит, человеку до Человека надобно дорасти, дорасти до собеседника Вселенной, поскольку скот не виноват, что он скот, а человек, ежели он скот, — виноват.

Иначе твоя жизнь ушла на кормежку и попусту, и пришедший позднее — что он сделает с твоими плодами?..

Летом пятьдесят первого я вдруг понял окончательно, что в жизни пустяков не бывает и что сегодня пустяк, то завтра — важнее важного.

Потому что жизнь на важное и пустое не делится. Это мы так о ней думаем или другие за нас, но это все в голове.

А в жизни есть жизнь. И если она идет не так, как нам хочется, то неизвестно, как бы она пошла, если б была такая, как нам хотелось.

С Витькой Громобоевым пришли Сапожников и некто Панфилов, которого я еще не знал лично, а только по песням. Я знал, что они придут, но я не знал, что они такие горластые.

— Зло и добро — это действия, значит движение материи, а не сама материя, — говорил Панфилов. — Ходьба — это движение человека, а не какая-то материя ходьбы.

— Ну и что?! Ну и что?! — заорал Сапожников.

— А ты пытаешься свести все к вакууму и частицам! — сказал Панфилов. — А есть еще действия каждого из них.

— Вот! — крикнул Сапожников Панфилову. — Значит, ты, кроме частиц и вакуума, ищешь еще каких-то злоумышленников и праведников в этом вакууме! Откуда? Пришельцы? Инопланетяне?

— О господи! — сказал Панфилов. — Опять эти инопланетяне!.. Почему все уперлись в одну проблему — одиноки мы во Вселенной или нет — и ждут пришельцев... И никто не задается вопросом: а что было ДО этой вашей Вселенной?

— То есть? — спросил Сапожников.

— Если даже допустить, что был первичный взрыв всей собранной в одну точку материи... то возникнет вопрос не только о том, что же было «вокруг», как спрашиваешь ты, но возникнет и мой вопрос: «А что же было ДО этого?..» Ведь если взрыв был, то до взрыва материя была не сжата, а рассеяна и происходило сжатие... Почему же не возникнет вопрос: была ли жизнь до взрыва?

— Интересно, — сказал Сапожников.

— Проще: если наша Вселенная имеет начало, то это потому, что предыдущая Вселенная имела конец. И самое главное, что она была Вселенной. Думать иначе — значит допустить исчезновение материи и возникновение мира из ничего...

— Та-ак... — сказал Сапожников.

— Да, — сказал Панфилов. — И тогда вопрос стоит так: могла ли исчезнуть вся предыдущая Вселенная? Конечно нет. Иначе из чего сложена нынешняя?..

Огромная война кончилась, и сила жизни все прибывала, и каждый чувствовал, что имеет на нее все права.

Работа воскрешения начнет сказываться много времени спустя, но она уже началась.

Чересчур много дорог было заминировано за две тысячи лет боя, и, если мир может быть спасен согласием, он и должен быть спасен.

Земля есть шар, и великие устремления расходятся вверх по радиусам. И это только внизу толковище, а в небесах никому не тесно.

— Вакуум, вакуум, — сказал Сапожников. — Мы о нем ничего не знаем... Нужна хоть какая-нибудь все опрокидывающая модель... Уважаемые офени, товарищи Зотовы, у вас ничего там не завалилось?

— Почему же? — говорю. — Завалилось... Василидова модель...

Тут летний ветер распахнул окна и двери, и за крышами домов блеснуло.

— Стекла побьет к черту! — крикнул дед, пытаясь поймать створки окон. — Витька, дверь! Дверь!

— В чем же ее суть?! — старался перекричать Сапожников летнюю бурю. — В чем суть Василидовой модели?!

Так мы проводили время в пятьдесят первом году — пьяные без вина и богатые без копейки. Хотя неплохо было бы и закусьвать.

Моему внуку Генке в тот день было ровно двадцать, и он удрал к нам от матери именно в свой день рождения, потому что устал от семейной любви и нелюбви.

Мы балбеса пожалели и пустили в мальчишник.

Витька Громобоев демобилизовался, но мы его провожали невесть куда, и теперь опять он уезжал надолго, никого не жалея, кроме Тани, матери своей приемной, бабушки нашей, тишайшей и непонятной Миноги, которая в Москву еще не вернулась, а жила, по слухам, в том же партизанском городке.

Мир опять раскалывался, поскольку объединяться против всегда было легче, чем за.

В сорок девятом возникло НАТО, но возник и Всемирный совет мира.

Земля отдалась ливню живой воды, и каждый комочек ее получил свою каплю, и грозу унесло, и хлынул живой воздух.

Была темная ночка. И до рассвета еще далеко. Помойки зверели удивительными запахами, а подворотни — глухими голосами. Я, видимо, задремал под шум споров о космогонии.

Общались два одинаковых голоса:

— Можно ли убивать с верой в Бога?

— Да только так и происходит... Перекрестясь, режут; помолясь, пытаются; отслужив молебен — лютоуют и насилуют.

— Неужели никто не замечает?

— Замечают. Однако и здесь есть лазейка... Если смерть — это второе рождение, то убивать можно. Бог послал меня убить, чтобы убитый родился на тот свет. Логично?

— Сердце с этим не примиряется.

— Вот сердцу и верь.

И я начал смотреть глазами и слушать ушами, но поверил бующему в груди сердцу, которое то замирало тоской, то трепетало неведомой радостью. И все чувства были во мне — и те, что мы называем гнусными, и те, что называем прекрасными. Но чувства эти приходили ко мне извне, и сердце выбирало назвать их прекрасными или гнусными. И я угасающим сознанием еще удивился: а я думал, что чувства приходят не извне, а зарождаются во мне.

— Нет, — услышал я свой собственный голос. — В тебе зарождаешься только ты.

— А кто же я?! — возопил я беззвучно. — Кто я?!

— Все, — ответил голос.

— Как может часть равняться целому?

— Смотри... — сказал голос. — Смотри!

И я увидел строчки неведомых письмен, которые дрожали, как надписи в беззвучном кино. Потому что на буквы этих строк все время накладывались буквы других письмен. Количество букв в строке все время было одно и то же, но прочесть их было нельзя, потому что письмена все время менялись, превращаясь одни в другие, становясь шифром мифа неведомого кода.

Строки извивались, как змеи, дрожали и, пружинисто сплетаясь, вспыхивали беззвучными искрами, и искры превращались в звезды. И я увидел дрожащие звезды, к которым со всех сторон сбегались лучи света, сгоняя звезды в кучи и вихри. А не так, как всегда, когда лучи разлетались от звезд.

И я, Зотов, вижу природный катаклизм, рождение любви.

Наверно, такое было на виноградниках, когда родился Дионис, но казалось, что это было, когда и Дионис еще не родился.

Клонило и трепало ветром кусты, луна скакала по облакам, как козочка, беззвучный хруст стоял в лесу, и листья лепили беззвучные пощечины. Помойки и нужники пустырей переворачи-

вались могучей невидимой рукой, из них сыпалась гнилая сволочь и слизь, громоздилась в холмы и тут же зарастала лесом и подлеском. И меж стволов колюче вставали на дыбы кружевные олени. И в камышах мелькало гибкое светлое прекрасное тело Сиринги, песенки Тростника.

Все летело навстречу, и ни к чему нельзя было прикоснуться: рука недотягивалась до желанного — еще сантиметр, еще миллиметр, еще микрон, — но рука не дотягивалась.

— Отец, не смотри! — крикнул яростный голос Витьки. — Отец, не смотри! Нельзя! Очнись! Это тебе не надо!..

— Витька, ты полюбил? — спросил я.

— Да, отец, — сказал он. — Навеки.

2

Ах, Зотов, Зотов, старая орясина, когда же это все началось? Может быть, когда Таня ходила к старику Непрядину? А может, еще раньше, когда Петр-первый Таню щупал? В каком же году он Таню щупал? Ах, Петр Алексеич, исторические события надо помнить... Вспомнил? Ага. Это началось, когда брат в лапту играл посереде улицы, а Ванька Щекин заорал:

— Николай-второй, беги!

Колька побежал до черты, а его господин за ворот — цап!

— Тебя как назвали?

— Николай-второй.

Господин ему по шее, по шее.

— За что, дяденька?

— Веди к отцу, а то полицию кликну! — И свисток.

— Не свисти, дяденька.

Пришли к деду. Господин сыщик все выяснил и спрашивает:

— Почему твоего внука царским именем зовут?

Дед говорит:

— Он у нас, Колька, родился вторым, а Петр — первым у нас родился.

— Как это Петр — первый?

— Петька! Спрыгни с сарая! Покажись господину сыщику!

Он спрыгнул, рубаху заправил и говорит:

— Ну чего?

А ростом он был орясина пятнадцати лет.

— Я вас всех, все ваше отродье упеку! Сопливцам своим государевы имена давать!

— Имена по святым, — говорит дед. — А что Петр у нас родился первый, а Николай вторым — это дело Божье. Имена поп давал, а мы не против.

— Дедушка, — говорит Петр-первый. — Может, ребят кликнуть?

— Не надо... Сам уйдет... Иди, господин сыщик, иди. У нас в семье горе, не до тебя, — говорит дед. — Родной человек помер. А Колька не сам себя назвал, его ребятишки так кличут. Иди, господин сыщик, иди... Места у нас глухие, не ровен час, случится что, иди.

Господин сыщик и ушел.

А дед отвел Кольку за сарай и выпорол.

Лупил и приговаривал:

— Запомни этот день, Николай-второй, запомни этот день... Запомнил? Или еще добавить, Николай-второй?

— За что бьешь? — орет Колька. — Не я виноват! Сами назвали!

— Не за то бью, что назвали, а чтобы запомнил этот день на всю жизнь... Родной нам человек помер, граф Лев Николаевич Толстой, народный заступник.

Стало быть, это приключилось в 1910 году.

С этого дня, как дед выпорол Николая-второго, Зотов начал жить сознательной жизнью и даже мыслить общественно.

Род Зотовых имел происхождение канцелярское. Писарь на фабрике, составляя список нанятых на работу, услышал в конце перечня: «Серегин, Изотов», ошибкой записал: «Серегин и Зотов». И тем сделал деда Афанасия первым в роду.

Дед спорить не стал, время было голодное, а дед был неблагонадежный, поскольку не только переплетал старые книги, но и читал их, что ввело его в гордыню, которая и привела к мысли, что род его не хуже царского.

Кроме Петра-первого и Николая-второго, были еще Александр — третий, Иван — четвертый. И еще царь Афанасий-немой и царица Дуська — на них царских номеров не хватило. Так и ходили нумерованные.

Афанасий был назван в честь деда Афанасия Зотова, первого в роду, и был немой, а Дуська — в честь бабушки Евдокии, в девичестве Громобоевой.

Дед рассказывал: «Громобоевы же произошли от небесного явления. Бабка нашей бабушки разрешилась от бремени мальчиком, когда в сухую погоду огненный шар пролетел тихо через комнату роженицы и разорвался у колодца. Через некоторое время закричал новорожденный голосом беспредельной ужасности, за что был по совокупности причин назван Громобоем».

А отец Петра-первого, папанька Алексей Зотов? О нем позже — когда из тюрьмы выйдет.

И в зотовском роду было все, что полагается, — и самозванцы, и дворцовые перевороты, и смертоубийства, и победы. И отличались Зотовы от Романовых только двумя отличками — Зотовы работали, а Романовы нет, Зотовы на войну ходили сами, а Романовы посылали других.

А что касается там образования или разговоров на непонятном языке — то в этом Зотовы от них не отставали.

- Ой, Петенька, не надо!..
- Не бойся, Таня, женюсь...
- А на что жить будем?
- На что все, на то и мы.

А погода была — всем погодам погода! А в журнале «Нива» объявление напечатано про знамение времени — СКОРОСТЬ. А в конце восклицание: «СОРОК ВЕРСТ В ЧАС! КТО ВАС ДОГОНИТ?! СПЕШИТЕ ЖИТЬ!»

А Петра-первого Зотова торопить было незачем. Ему шестнадцать, и Тане Котельниковой — шестнадцать. Отца ее в пятом году забили на фабрике Шмита, а мать к Асташенкову в питейное подалась помои таскать, у Асташенковых дом с ротондой, четыре трактира по всей Белокаменной, и в каждом — по «маркизе». Все маркизы в теле, а жена — тощая метла, ему с ней неинтересно. Сын в университете римские права переписывает, дочь на арфе гудит — ногами обхватит и пальцами вцепится, а учитель над нею: ко-ко-ко... ко-ко-ко... дора, фа-соля, ляси — и за пазуху заглядывает. У всех нужники на пустыре, на одно очко, а у Асташенковых — в доме, фаянсовый, сидячий с синей надписью — на доньшке с лужицей, и ручка белая на цепи. Ей-бо! Не вру. Потяни — все в Язуз унесет! Двадцатый век! Таня рассказывала — она там прибиралась.

- Ой, Петенька, не надо!

— Не бойся, Таня, женюсь...

— А на что жить будем?

— На что все, на то и мы...

Зотов Петр-первый вылез из сарая и спрашивает:

— Дед, почему меня на красоту тянет, как мышшь на сахар?

Дед ответил:

— Потому что наслаждение красотой есть осознание своего развития.

Это Петр-первый уже знал. Его загребли по ошибке, когда ткацкие бастовали. А потом, набив морду, отпустили по несовершеннолетству.

Зотов того господина сыщика на улице подстерег и ввалил ему по той же скуле, что и он ему в участке. Он Петра-первого за шиворот, и Зотов его за шиворот. Он в свисток, а Зотов в два пальца. Он его по зубам, чтоб не свистел, и Зотов ему по зубам, чтоб не свистел, да и вбил свисток ему в рот. Господин сыщик упал, а Зотов ушел.

Тогда господин сыщик пришел не один, и они забрали Петра-первого куда надо, а там господин сыщик бил его ногами. Бил ногами и приговаривал:

— «Воспрянет род людской»!.. Знаю я ваш род, «проклятьем заклейменный»!.. Я тебе воспряну!..

Сколько он был у них в плену — Зотов не помнит. Но вот по прошествии времени пришел в узилище дед и говорит:

— Ничего не поделаешь, господин сыщик, будут и тебя ногами топтать.

— Это кто же?

— Да Петька, внук мой... Выйдет из Бутырки и потопчет.

— Рвань несчастная... Мы ж его повесим!

— Ну что ж... и мы тебя повесим... Ничего не поделаешь.

— На власть замахиваешься?!

— Зачем же?.. В книге сказано — власть падет в одна тысяча девятьсот семнадцатом году. Тогда и с тобой свершится.

— Та-ак... Значит, у Маркса вашего на семнадцатый год назначено?

— Господин Маркс журнал «Ниву» издает. Дозволено цензурой с приложениями...

— Ну, мне не крути, не крути... Не про того Маркса речь... Говори, что у тебя за книжка?

— Называется «Тайная мудрость Востока». Предсказание судеб. Тоже дозволена цензурой. Кажные двенадцать лет — поворот судеб, согласно законам зодиака и миротворного Индиктиона. Вот и считай — к одна тысяча девятьсот пятому году прибавь двенадцать — что будет? Семнадцать.

— Антимов! Давай его сюда!

Тут Петра-первого из соседней комнаты вытряхнули, где он разговор слышал, и перед дедом поставили.

— Забирай... Последний раз прощаю.

— Сопляк чертов, — сказал дед. — Сопляк.

— А после семнадцатого что будет? — спросил господин сыщик.

— Третье Евангелие будет... Третий Завет... Сошествие Духа Святого на людей.

— А может, вы старообрядцы? — спросил зашедший в полицию господин журналист Гаврилов.

— Мы новообрядцы, — сказал дед.

— Кто такие?

— Сам знаешь... Рабочие, — тихо ответил дед.

Господин Гаврилов перестал из протокола выписывать разное удивительное и сказал:

— Рабочему надо заработать — это понять возможно. А этих понять нельзя... А может быть, они толстовцы?

— Никто они, — сказал господин сыщик. — Они никто. Пустырь проклятый.

— Пустота... — засмеялся господин журналист Гаврилов, который писал очерки из низов жизни — под Власа Дорошевича, но хуже. — Пустота — это ничто... нигиль... Они нигилисты?

Это он Зотовым-то!..

— Какая же пустота... — задумчиво возразил дед. — При такой теснотище?

— Куча дерьма, — сказал господин сыщик. — Ничего святого... Полное отсутствие нравственной идеи... Так и запишите, господин журналист.

— Нравственная идея — она у отца Иосифа, — сказал дед, — и у вас, господин Гаврилов. Поэтому вы ее на всех поделили — и у каждого от нравственной идеи ошметочек... И потому у нас от нравственной идеи — что с барского стола упало... И «Возлюби ближнего» всегда оборачивается — возлюби вас, господин глав-

ноуговаривающий. А вы нас — нет, не очень-то... Или не так я говорю?.. Пошли, Петька.

А весна стояла такая, что помойки розами пахли, а пустые сараи — ладаном.

— Дед, неужели на Пустыре ничего, кроме вони, не заводится? И неужели мы пустота?

— В пустоте, Петька, рождается творение. Ибо больше ему родиться негде.

— Дед, — спросил Петр-первый, — как же это в пустоте может творение родиться? Пустота — она пустота и есть.

— Поскольку всемирное тяготение не выдумка, Петька, — сказал дед, — то пустоты вовсе нет и пространство заполнено... Однако движение существует, и я до тебя достигаю рукой и дотрагиваюсь... А если движение есть, а пустоты нет, то, значит, и там мельчайшие тела погружены в некую субстанцию, которая и осуществляет их связь между собой, сама, однако, будучи чем-то отличной от них... И в этой неизвестной сущности идет мировой процесс отмены старой Вселенной, прежней Вселенной — поскольку она нелюбимая.

И Зотов это запомнил и записал: «Идет отмена прежней Вселенной, поскольку она — нелюбимая».

Уж Тане с Зотовым жениться пора, а отец Иосиф венчать не спешит, а спешит пройти мимо.

— По церковной записи твой дед Изотов, а по гражданским бумагам вы Зотовы. Безбожники и на исповедь не ходите.

А у отца Иосифа уголовный журналист Гаврилов с господином сыщиком чай пьют. Какая уж тут исповедь? После пятого — семь лет прошло. Поумнели.

На земле царь, и капитал, и в небесах церковь, а где Зотовы помещаются, в Библии не сказано.

И начал Зотов Петр-первый Алексеич сам разбираться в том, как мир устроен и в нем человек по своей вере, по зотовской.

У отца Иосифа дело простое: «Человек раб Божий». И точка.

Петру надоело, и он спрашивает:

— Если все люди Божьи рабы, тогда зачем на земле один раб, а другой — власть?

— Дерзок ты, — говорит. — Несть власти аще не от Бога, понял?

— Понял, — говорит. — Если рабы власть возьмут, то и она станет от Бога. Кто кого. Так?

— Сокрушу! Божова ошибка!..

— А разве Бог ошибается?

— Вон отсюда!

А уж Зотов знал: если батюшка — дурак, то и это от Бога. На Пустырь толкового не пришлют.

Он у деда спросил:

— Почему меня отец Иосиф обозвал «Божова ошибка» и по шее дал?

— А за что дал? — поинтересовался дед и перестал петть про Кудеяра-атамана.

Петр-первый ему поведал, за что схватил по шее.

Дед же сказал, что отец Иосиф дурак и гнида; поскольку пути Господни неисповедимы, то и ошибкам не подвержены, и, значит, не ему, долгогривому, судить Божественный промысел, назначивший им фамилию Зотовых.

А что касается зотовской веры, то, насколько известно, таковая ни в одном реестре не значилась. И потому Зотovy считали ее вполне оригинальной.

Состояла она в следующем.

В Писании сказано: «Вначале бе Слово и Слово бе Бог». И поскольку Бог есть сущность неизреченная, то, как только попытаешься ее изречь, возникает из одного слова — два, между которыми совершается движение. Одно слово «на», другое — «дай». И вся суть человека состоит в том, какое слово из этих двух у него в душе на донышке, а какое — снаружи.

Без «дай», конечно, не выжить тому, кто хочет сказать «на». Но если человек перешел на сторону «дай», то из него человек во все прочь выходит. И это есть закон.

А кто перестает это понимать и упорствует — у того вместо слов возникает болботание.

И как это болботание ни называй — хоть религией, хоть наукой, а все одно — усердие без души и не по разуму есть болботание, которое у Зотовых в одно ухо входило без труда, а из другого вылетало со свистом.

И потому к Богу у Зотовых было такое отношение: хочешь верить — верь.

Зотovy считали — материализм Богу не помеха.

Однажды, в давнее время, был у деда разговор с великим гением русской земли. О таинственной субстанции эфира.

Когда дед ему принес книгу «Алхимию» для обмена по-офенски — с уха на ухо, то Дмитрий Иванович Менделеев рассказал деду, как знаменитая таблица его привиделась ему во сне. А потом дед спросил:

— Так как же, Дмитрий Иванович, все-таки есть эфир или выдумка это?

На это Дмитрий Иванович деду отвечал:

— По логическому рассуждению — должен быть. Должна быть сверхтонкая невидимая материя, которая бы все увязала в одну картину. Однако, чтобы открыть эфир, надо найти некий способ стать от эфира в стороне. Это подобно тому, как нельзя взвесить воду, находясь в воде...

И потому Зотовы спокойно и с интересом узнавали про диковинки природы и научности и не торопились делать выводы, даже если они настырно прыгали в глаза. И спокойно пели: «Солнце всходит и заходит» — хотя и знали уже, что все происходит как раз наоборот.

Был у деда знакомый дворянин, старик Непрядвин, и был у старого Непрядвина сын и телефон. Телефон хороший, а сын — так себе. Дед послал Таню с запиской. Старик позвонил куда надо, и отец Иосиф согласился нас венчать. Но Таня услышала, как сын Непрядвина сказал:

— Папа... какое тебе дело до этой мрази?.. Страшнее русского Пустыря ничего нет... И там нет ничего, кроме вони.

— И магии, — сказал старый Непрядвин. И Тане: — Ступай, голубушка. Скажи деду, что все улажено.

Непрядвины в родстве были с Митусовыми, тоже владимирского корня, как и мы, Зотовы. А Митусовы свой род от словутного певца Митусы считали, что у князя Игоря Новгород-Северского старины пел и воевал, у того Игоря, про которого «Слово о полку» и опера химика Бородина.

Непрядвин Василий Антонович древнего рода и чудесного обаяния был человек. Не то что сын его, ненавистник, белая моль. А как ему не стыдно? Род его такой древний, что и Романовых не видать, мог бы уж и людей полюбить за такое-то время, было когда спохватиться. Отец-то его Василий Антонович ведь сообразил.

Да, видно, у Петра-первого в душе не все уладилось после Таниного рассказа, и если Зотовых за мразь считают, то магия тут при чем? Зотов деда и спрашивает:

— Как же так?

— А они дураки, — говорит дед.

— Кто?

— Они думают, рабочий — это кто перемазанный и машины не боится. Рабочий из своего корня произошел. А что он сейчас в хомуте — то это он от забывчивости. А когда вспомнит — настанет перемена в жизни.

И дед мне такое рассказал, что у меня глаза на лоб и в животе мороз.

— Раб — это волшебник, — сказал вдруг дед. — Раб — это волхв, кудесник-чудесник, чудеса творит... Был старый народ мидяне, а у них главное племя маги, тайное хранили умение и знание про мироустройство и миротворный круг. А главный из магов звался Раб. Высший умелец. Чтобы рабом стать, надо было семизды семь ступеней пройти среди магов. Потом тех мидян полонили. И маги разбрелись. Потому что каждое дурное племя хотело магов в полон взять и приладить к делу. А пуще всего каждый вождь хотел, чтобы сам Раб ему служил, а он бы похвалялся: «Мне Раб служит». Ну, на всех вождей рабов не напасешься, и стали всех пленных мастеров рабами звать. А потом забыли, откуда это слово — раб; и пошло, что раб — живое орудие, машина, и любой пленный стал раб. Да и слово «машина», Петька, тоже от слова «маг»... Теперь гляди — я слова рядом поставлю: раб — это маг, и от этих двух слов, запомни, от раба и мага — работа, рабочий — мастеровой — мастер — маэстро — майстер — мистер — во всех языках. Магистр — маг — волшебник, волхв. И над Христовой колыбелью три мага стояли, три волхва. И слово «мощь», и слово «машина»... И только раб свободен, потому что он маг. И машину рабочий любит, потому что это последнее место, где свобода ему осталась, последнее прибежище: шестеренки прилажены своими руками и своими руками сотворены, — включай, поехали. И потому магия его и есть богатство, а все остальное — ловушка. Вот откуда наш корень и свобода.

И как раз когда отпраздновали столетие со дня нашествия на Русь двенадцати языков с Наполеоном-анафемой, у меня от жены моей Тани, урожденной Котельниковой, сын родился и был

наречен Сергей. В честь отца бабушки, Сергея Панфиловича Громобоева.

Венчал и крестил с некоторым отвращением отец Иосиф. А в дверях стоял господин сыщик и смотрел, как сын мой увеличивает земную тесноту. Но господин сыщик был задумчивый.

Ну ладно.

3

В тысяча девятьсот четырнадцатом Зотов вовсе дылда. Книжек прочел много и ни в чем не уверен. Уверен только в том, что он рабочий, а книжки эти офенские, брошенные, тайные, никому не нужные.

А сколько дед прочел, того сказать никто не может.

Событий не было. Лямку тянул, жену ласкал своевременно. Разве что асташенковскую дочку щупал. Сама попросила первый раз — пьяная.

— Потрогай меня, — говорит.

А Зотову что? Ему не жалко.

А второй раз — когда жена не велела Зотову книжки читать: не маленький, сын растет. Зотов тогда огорчился: спьяну второй раз асташенковскую дочку щупал. Она ему говорит:

— Пойдем туда. Там сено...

Он протрезвел, спрашивает:

— У тебя что, холуев мало?.. — И ушел.

Она ему это припомнила. Его тещу Асташенков с работы согнал.

— Прощай, — сказал ей. — У твоей дочки муж дурак. А ты мне было понравилась. Мог я тебя в маркизы произвести?.. Мог.

Зотов теще говорит:

— Да у него этих маркиз три штуки.

— Ему виднее, — теща говорит. — А я теперь безработная. А ты дурак.

«Мы-то думали, что только у нас, судьбой потерянных, в каждом сарае собачья свадьба и что свадьбы эти от нашего беспутья. Путь-то наш весь — от фабрики, через трактир да за сарай. А оказалось, что и у всех одно — страх домовины да крест в конце пути с надписью: две даты из календаря и между ними тире — по-

лосочка, и в этой тире — вся жизнь. Будто тропочка от прихода до ухода. И коротка та тропочка и не заметна никому, кроме того, кто сам прошел, да не скажет. А куда прошел и откуда — о том ли другим людям судить, если сами свою тире протаптывают и торопятся к чужому телу прикоснуться, припасть хоть на миг? Потому что и вспомнить нечего больше в конце тире, кроме тела, к которому припадал в тоске или радости. Больше и вспомнить нечего, кроме хлеба, тела...

— И магии, — сказал дед».

Птицы кричат. Пролетка — цок, цок. Заводская труба черные кудри плавит.

Двадцатому веку четырнадцать лет, а Зотову Петру-первому — девятнадцать.

«Зотовы мы. Мы догадку ищем.

И, видно, без томления нам не жить.

Мы офени, книжники, отреченные, шаромыжники, шарлатаны, ходебщики — книжные разносчики. Забытый ныне промысел и язык.

Почему я из всякого года лучше вспоминаю не события, а споры? Потому что у нас дед был на спор и на бунт скорый.

И я вспоминаю деда, и его мнения, и людей, которые приходили к нему, к токарю и переплетчику, эти мнения послушать. И эти люди были не простые шкурники, зверье живоглотное, а души встревоженные.

Бывает, что разговор и есть событие, а все остальное — бормотание. Потому что событие — это со-бытие, то есть совместное бытие, хорошее со-бытие или нет — другого нам ничего не дано. Лучше уж хорошее. Самое большое событие есть жизнь, и перед ней все остальное и близко не равняется».

У Зотова, у Петра Алексеевича, отец с мамой из тюрьмы вернулись.

«У деда и бабушки нашей тишайшей было четыре сына и дочь. Один сын и дочь умерли от голодных родов, некрещенные. Эти не в счет. Трое выжили до возраста и стали Петра Зотова дядьки и отец. Один дядька в четвертом погиб под Ляодунем в японскую, другой — на Пресне в пятом году, и остался мой отец Алексей Афанасьевич, тюремный житель, и мама — его верная жена.

Отец по тюрьмам, мама за ним следом. Вернется мама, родит мне братца или сестру и опять за отцом. Как они там в плену ула-

живались, мне неизвестно. Лютый до бабьей ласки отец. Весь в меня. Но иногда и отца отпускали из узилища».

Вспоминает Зотов давний разговор отца своего с дедом:

— Почему все сады гефсиманские? — спрашивает отец. — Душа воплощения ждет, а плоть обманывает... Зачем про другой мир загадано? Зачем мечта и томление духа?

— Погоди, Алешка... Разум человека появился, когда сон с явью столкнулся и понял человек, что во сне он живет второй жизнью. И любит во сне, и страдает, и страх испытывает, и белый ужас. И от второй, ночной, жизни он просыпается, а от дневной, первой, проснуться не может. И встреча сна и яви — это есть фантазия. Никогда фантазии не бойся, однако помни, что она всего лишь в голове и потому требует проверки.

Это было в пыльный день конца лета. Это было в день, когда все предисловия кончились.

— ...Магия, — сказал дед.

— Вот это мне, милостивый государь Афанасий Иванович, и нужно, — сказал старик Непрядвин, — в моем собрании этой книжки нет. Не уступите ли?

Стояли они с дедом на чердаке по колено в книжных связках дедова собрания, и на каждой связке бирка привязана была деревянная с номером. А что в каждой связке, дед сам знал наизусть и мог рассказать.

— Мне нравится ваша мысль, что рабы позднейшие — это бывшие маги, — сказал Василий Антонович. — Мне это в голову не приходило... Однако что это за возгласы на улице?

— Асташенков гуляет с маркизами, — встречаю я.

— А-а... Петр-первый... — говорит мне Василий Антонович. — Бастуешь?

— Нет, — говорю. — Вторую неделю работаю.

— Эх, Петр-первый, мне бы твои годы, и я бы забастовал... Я вашего Маркса читал. Мне нравится, что он Асташенковых терпеть не может. И я все бы сделал, чтобы их с горки спустить.

— А на горку кого? — спрашиваю. — Непрядвиных?

— Нет, молодой человек, такой амбиции у меня нет. Непрядвины в Божьем суде свое дело проиграли. После Асташенковых — только маги. Тут мы с твоим дедом в полном согласии... Да только я не верю, что маг — это ты.

— Нашли с кем разговаривать, — сказал дед. — Революционер хренов... У него одни бабы на уме... Ростом жеребец, а душа не шире кошкиной.

— Всему свое время, — сказал Василий Антонович Непрядвин. — Разовьется. Ничто его не минует. Как по-вашему, Афанасий Иванович, война будет?

— Да.

— Вы так уверены?

— Ломоносов сказал: «И горы, ужасные в наших глазах, могут ли от перемен быть свободны...» Пришла пора империи падать, — сказал дед.

Немой младшенький глаза закрыл — соглашается.

А Мария, помощница наша, царицу Дуську да царя Афанасия-немого кашей кормит. Афанасий хотя и немой, а все слышит и, когда вопрошает, глаза таращит, а когда соглашается — закрывает.

— Петь, а Петь, глянь, что это во дворе кричат как?

Пылью рвануло по улице.

Немой наш глаза открыл и смотрит.

В соседнем дворе шарманщик перестал про разлуку.

Вошел отец, руки вымыл, из рукомойника на лицо брызнул и утерся. Обернулся к нам. Мама за сердце взялась.

«Химик Менделеев деду объяснил, что Вселенную заполняет эфир невидимый, но взвесить его нельзя, как нельзя взвесить воду в воде.

Чтобы взвесить воду, надо стоять на берегу, а где у Вселенной берег?

И это я запомнил на всю жизнь и искал берега, когда наступало размышление.

— Война, родные мои, — сказал отец. — С германцами.

А у меня в голове одно проплыло, имя одно: „Мария“...»

...Была у бабушки сестра — Зотову двоюродная бабка, был у нее сын — Зотову троюродный дядька, у него дочь Мария — Зотову четверюродная сестра. В этом году ей — шестнадцать.

И всей своей кошкиной душой он полюбил эту девушку.

Но он тогда не знал этого. А узнал в один день того жаркого лета.

Девушка гордая, в вере твердая, ручки проворные, телом чистая, глазки синие — они с Зотовым и не смотрели друг на друга

МИХАИЛ ЛЕОНИДОВИЧ АНЧАРОВ
ДОРОГА ЧЕРЕЗ ХАОС

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Ольга Золотова, Валерий Камендо, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 28.05.2026.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 62,72. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-ARI-48845-01-R